

КАПСУЛА ВРЕМЕНИ В ПОСТСОВЕТСКОМ СОВХОЗЕ

Елена Константиновна Малая

Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия
emalaia@eu.spb.ru

А н н о т а ц и я: Статья посвящена представлениям о советском времени, распространенным в селе на северо-востоке Крыма. Анализируется ситуация, когда сообщество, сформировавшееся вокруг частично сохранившегося совхоза, выстраивает свою картину исторического времени, расширяет воображаемые границы советского периода, а также мыслит его не столько как прошлое, сколько как прошлое будущее. Особое внимание уделено объекту, организующему темпоральность, — капсуле времени, которая была дважды заложена в исследуемом селе (в 1967 и в 2017 гг.), а также ее связи с телеологией модернизма. В статье сопоставляются письма потомкам, запаянные в двух капсулах времени, а также другие документы, отправленные в будущее. Текст письма 1967 г. основан на прогрессивистском нарративе и содержит перечень экономических показателей успешности советского хозяйства. Текст 2017 г., наоборот, создает картину неустойчивого времени перемен, в которой основное внимание уделено не предсказуемому будущему, а смутному прошлому и настоящему. Автор объясняет ностальгию по советскому времени в исследуемом сообществе реакцией на перемены и кризисы постсоветского периода и предлагает использовать темпоральную логику в исследованиях постсоциализма.

К л ю ч е в ы е с л о в а: капсула времени, антропология времени, темпоральность, ностальгия, совхоз, постсоветский период, советское время, Крым.

Б л а г о д а р н о с т и: Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-39-00171.

Д л я с с ы л о к: Малая Е. Капсула времени в постсоветском совхозе // Антропологический форум. 2020. № 47. С. 84–110.

doi: 10.31250/1815-8870-2020-16-47-84-110

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/047/malaya.pdf>

THE TIME CAPSULE IN THE POST-SOVIET SOVKHOZ

Elena Malaya

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
emalaia@eu.spb.ru

Abstract: The article is devoted to ideas about the Soviet era, widespread in a village in the north-east of Crimea. The paper offers an analysis of how the community, formed around a partially preserved state farm, builds its own picture of historical time, expands the imaginary boundaries of the Soviet period, and also thinks of it not so much as the past, but as the past future. Particular attention is paid to the object that organizes its temporality — a time capsule, which was laid twice in the studied village (in 1967 and in 2017), as well as its connection with the teleology of modernism. The article compares letters to descendants, sealed in two time capsules, as well as additional documents sent to the future. The text of the 1967 letter is based on a progressive narrative and contains a list of economic indicators of the success of the Soviet economy. By contrast, the 2017 text creates a picture of an unstable time of change, in which the focus is not on the predictable future, but on the vague past and present. The author of the article explains the nostalgia for the Soviet era in the studied community by the reaction to the changes and crises of the post-Soviet period, and suggests using temporal logic in the research of post-socialism.

Key words: time capsule, anthropology of time, temporality, nostalgia, state farm (sovkhoz), post-Soviet period, Soviet times, Crimea.

Acknowledgements: The reported study was funded by the RFBR (research project № 18-39-00171).

To cite: Malaya E., 'Kapsula vremeni v postsovetskom sovkhoe' [The Time Capsule in the Post-Soviet Sovkhoz], *Antropologicheskij forum*, 2020, no. 47, pp. 84–110.

doi: 10.31250/1815-8870-2020-16-47-84-110

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/047/malaya.pdf>

Елена Малая

Капсула времени в постсоветском совхозе

Статья посвящена представлениям о советском времени, распространенным в селе на северо-востоке Крыма. Анализируется ситуация, когда сообщество, сформировавшееся вокруг частично сохранившегося совхоза, выстраивает свою картину исторического времени, расширяет воображаемые границы советского периода, а также мыслит его не столько как прошлое, сколько как прошлое будущее. Особое внимание уделено объекту, организующему темпоральность, — капсуле времени, которая была дважды заложена в исследуемом селе (в 1967 и в 2017 гг.), а также ее связи с телеологией модернизма. В статье сопоставляются письма потомкам, запаянные в двух капсулах времени, а также другие документы, отправленные в будущее. Текст письма 1967 г. основан на прогрессивистском нарративе и содержит перечень экономических показателей успешности советского хозяйства. Текст 2017 г., наоборот, создает картину неустойчивого времени перемен, в которой основное внимание уделено не предсказуемому будущему, а смутному прошлому и настоящему. Автор объясняет ностальгию по советскому времени в исследуемом сообществе реакцией на перемены и кризисы постсоветского периода и предлагает использовать темпоральную логику в исследованиях постсоциализма.

Ключевые слова: капсула времени, антропология времени, темпоральность, ностальгия, совхоз, постсоветский период, советское время, Крым.

Миллионы моих сограждан
пишут письма
в тридцатый век!
Пишут
доменными громадами
(по две тысячи тонн
в строке!).
Пишут письма
люди,
наматывая
на планету
витки
ракет!

Роберт Рождественский
«Письмо в тридцатый век»

Неуловимость советскости

Несмотря на то что Советский Союз прекратил свое существование в 1991 г., он продолжает оставаться реальным в сознании многих людей, как тех, чья жизнь пришлась на советское время, так и тех, кто родился после Беловежского соглашения.

В современном академическом пространстве сосуществуют разные подходы к советскому наследию и его послежизни. Наиболее сильные позиции занимает исследовательская рамка памяти и ностальгии [Boym 2001; Oushakine 2007; Bartmanskii 2011; Абрамов 2011; Эткинд 2016; Дробот 2018]. Свои ходы

Елена Константиновна Малая
Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
emalaia@eu.spb.ru

предлагает теория субъектности, в русле которой советскость понимается как специфический модус личности [Halfin 2000; Халфин, Хелльбек 2002; Hellbeck 2006], отдельную группу составляют исследования советского наследия дискурсов и практик [Marsh 2000; Хархордин 2002; Юрчак 2014; Анипкин 2018]. Однако, несмотря на разнообразие концептуализаций советскости, она все равно «ускользает» [Hann 2002]. Возможно, для объяснения причин обращения к советскости необходимы другие ракурсы и языки. Эта статья предлагает посмотреть на советское наследие с позиций антропологии времени.

И исследования культурного наследия, и *memory studies* предполагают, что прошлое, к которому апеллируют ностальгирующие или вспоминающие люди, понимается ими именно как прошлое. Такое допущение, лежащее в основе большинства работ, экстраполирует темпоральную логику исследователя на исследуемое сообщество. В настоящей статье я, наоборот, обращаюсь к тому, как сообщество выстраивает собственную структуру исторического времени, в которой советский период может оказаться продленным и осмысленным не только как прошлое, но и как ретроспективное будущее. Особое внимание уделяется предмету, организующему время, — *капсуле времени*, вокруг двух закладок которой построена статья.

Кроме того, в рамках исследований памяти прошлое обычно мыслится статичным — как некоторое ограниченное место на временной «карте», заполненное образами случившегося и не предполагающее динамики и сложной конфигурации [Erl1 2011; Feindt et al. 2014]. Здесь я намерена показать нелинейный характер воображаемого советского времени, значимого для моих информантов, а также его внутренний объем и связи темпоральных категорий друг с другом. Наконец, я попытаюсь ответить на вопрос, что именно ищут крымчане разного возраста, имеющие разный жизненный опыт, когда обращаются к образам СССР, а также предложить аналитический подход, который может быть применим для исследования советского наследия.

Крымский контекст

В небольшом селе Песчанка¹ на северо-востоке Крыма сохранился совхоз. По крайней мере так говорят жители самой Песчанки и соседних сел, описывая нынешнее состояние акционерного общества «Совхоз “Урожай”». На мои вопросы, касающиеся истории села, председатель сельсовета отвечает: «У нас есть только история совхоза». Жительница Песчанки, когда мы

¹ Все топонимы и имена информантов в тексте изменены из соображений исследовательской этики.

идем с ней мимо церкви, сообщает то же самое и с улыбкой добавляет: «У нас тут вечные семидесятые».

В заросшем сквере блестит свежей краской памятник Ленину. Недалеко от сквера — частный магазин. Говорят, что в нем можно купить украинские товары, потому что его хозяева закупаются «за границей». Над одними домами висят российские флаги, над другими — крымскотатарские, а на участке неподалеку от церкви — военно-морской флаг СССР: белое полотнище с голубой полосой, красные звезда, серп и молот.

Крымская специфика накладывает сильный отпечаток на исследуемый материал. Большинство крымчан за последние десятилетия получили опыт проживания в трех государствах, а абсолютное большинство — в двух. Такой опыт предполагает не только изменение политических границ, но и постоянную пересборку социальных институций и проблематизацию идентичности. При этом изменения жизненных миров крымчан не сконцентрированы в двух точках собственно геополитических пертурбаций (1991 и 2014 гг.): они рассеяны по трем последним десятилетиям крымской истории, сгущаясь вокруг переломных дат, но не исчезая между ними полностью. Так, в 1994–1995 гг. жители полуострова пережили период усиления крымского суверенитета (в эти годы в Крыму существовал локальный институт президентства), очередную смену исчисления времени и конституционную реформу.

Многое из перечисленного я знаю по собственному опыту, благодаря которому в поле воспринимаюсь как «своя»: я родилась и выросла в Симферополе, и с точки зрения моих информантов «понимаю, что здесь происходит».

(Пост)совхоз

Совхоз «Урожай» был основан в 1921 г. на территории крымскотатарского хутора, существовавшего здесь с 1870-х гг. В дальнейшем «Урожай» стал включать два села — Песчанку и Буденный. По соседству с «Урожаем» располагался совхоз «Октябрь», объединявший жителей села Цветочное. В 2000-е гг. оба совхоза были распаеваны и приватизированы (эта общая для постсовхозов ситуация может реализовываться по-разному, см., например: [Виссер 2013]). В Цветочном, помимо приватизации земли, произошло крупное хищение бывшей государственной собственности. Жители сел, вспоминая об этом, часто используют формулировку «типичные девяностые» и сожалеют, что совхоз в Цветочном «разбомбили». Пустые окна его конторы сильно контрастируют с воспоминаниями о советском периоде преуспевания (истории о масштабах экспорта продукции цветочненского совхоза составляют отдельную группу нарративов).

Оформленное на останках совхоза частное предприятие, арендующее земли собственников, не приносит большого дохода и существенно уступает частным тепличным хозяйствам, появившимся в Цветочном после развала совхоза.

В Песчанке и Буденном дела обстоят иначе. Приватизацию совхоза «Урожай» его председатель контролировал лично, сумел предотвратить крупное хищение и одновременно с этим реализовал еще одну юридическую комбинацию: в результате приватизации бывшие совхозники получили не только пай, но и акции АО «Совхоз “Урожай”», которое арендовало у них приватизированную землю. Потом основной объем акций был скуплен узким кругом лиц, которые и стали реальными владельцами предприятия. Фактически сельскохозяйственные работы на участках остались в ведомстве АО, т.е. бывшего совхоза, и как такового перехода земли в частные руки не случилось: собственники паев «видят» свою землю по большей части в документах, по которым они раз в месяц получают выплаты как арендодатели (деньгами или продукцией), а также в письмах из налоговой службы, определяющих сумму налога на земельную собственность. Но так или иначе «совхоз» продолжает существовать, дает работникам зарплаты, акционерам — ежемесячную прибыль и экспортирует фрукты за пределы Крыма.

Акционерное общество, сменившее совхоз, позиционируется как тождественное ему и администрацией, и жителями сел. Это тождество обеспечивается в первую очередь фигурой председателя совхоза, ставшего директором акционерного общества. Он стоит во главе этого сельскохозяйственного комплекса уже тридцать лет, пережив вместе с «совхозом» и распад СССР, и «лихие девяностые», и украинский период крымской истории, и переход под российскую юрисдикцию.

Показательно сохранение в названии акционерного общества слова «совхоз», ставшего из обозначения типа хозяйствования именем собственным (АО «Совхоз “Урожай”»). Это также подчеркивает преемственность между совхозом и АО. Жители села называют акционерное общество совхозом без всяких оговорок, поэтому ниже я буду использовать это слово без кавычек.

С совхозом связана большая часть репрезентаций истории: личные и семейные воспоминания людей по большей части касаются их переезда в совхоз на работу и постоянное место жительства¹, а мероприятия сельской политики памяти реали-

¹ Большая часть жителей села — переселенцы, приехавшие по программам заселения Крыма колхозниками из различных областей РСФСР и УССР после депортации крымских народов: немцев (1941), крымских татар (май 1944), армян, болгар и греков (июнь 1945); см. Постановление № ГОКО-6372с «О переселении колхозников в районы Крыма» [О переселении 1944].

зуются с помощью совхозных ресурсов. Например, один из двух памятников жертвам Великой Отечественной войны был оплачен из совхозных средств. Другой яркий пример — капсулы времени, о которых речь пойдет ниже.

Материалы, на которые опирается эта статья, собраны во время полевой работы в Песчанке и Цветочном в 2018 г. Методами работы были полуструктурированное интервью и включенное наблюдение. В основном я общалась с работниками совхоза, а также с лидерами церковного прихода, учителями, социальными работниками, владельцами магазинов и частными фермерами. Наши разговоры, чего бы они ни касались вначале, часто переходили к обсуждению совхоза и советского времени.

Советское время и советская вечность

Если попытаться определить специфику советской публичной темпоральности, то можно вывести следующую формулу: с одной стороны, конструирование исторического времени в СССР строилось на ожидании «светлого будущего», с другой — настоящее парадоксальным образом этому будущему уже принадлежало (видимо, и другие варианты прогрессизма строятся на подобном совмещении). Советские властные дискурсы декларировали устойчивость и неизменность социального порядка («это было навсегда, пока не кончилось» [Юрчак 2014]) и при этом содержали сильный футуристический посыл. Такое время, в котором сплетено утопическое будущее и уже случившееся настоящее, находится в центре многих научных и художественных исследований советскости: Катерина Кларк изучает эту темпоральность на примере советского романа [Кларк 2002: 41], Петр Вайль и Александр Генис в публицистических мемуарах пишут о советском утопизме и «стусившемся времени» [Вайль, Генис 1998: 15], позже Дмитрий Волкострелов помещает в это время свой спектакль «1968. Новый мир» [Спектакль 2019].

Производя это «настоящее-будущее», советский проект с первых лет своего существования пересобирает время в целом, меняя исторические координаты, расставляя другие акценты и вводя новые юбилеи. Для создания нового времени используются различные приемы и темпорализирующие девайсы: празднование юбилеев революции и других значимых дат, закрепление логики прочтения истории через смену общественно-экономических формаций, попытки реорганизации календаря с переходом на пятидневную трудовую неделю, установка часов с носорогом в Малой столовой Зимнего дворца на отметке 2 часа 10 минут (позиционировалось как время начала штурма Зимнего дворца во время Октябрьской революции) и т.д.

Особенно ярким всплеском темпоральной политики характеризуются 1950–1960-е гг.: вместе с рождением отечественной космонавтики и футурологическими образами высокого модернизма в это время появляется формулировка «утро космической эры» и намечаются контуры новой эпохи. В 1961 г. в III Программе КПСС находит отражение новая концепция коммунистического будущего [Фокин 2017]. Этим временем датируется новый виток антирелигиозной политики и создание новой советской обрядности [Штырков 2011; 2013; Жидкова 2012]. На 1967 г. приходится пятидесятилетний юбилей советской власти, в честь которого на всей территории СССР проводят праздничные мероприятия и другие коммеморативные практики, обращенные как к революционному прошлому, так и к коммунистическому будущему. Некоторые из этих практик пережили создавший их советский темпоральный проект и существуют по сей день в условиях постсоциализма.

Капсула времени и нераспавшаяся связь времен

Один из самых ярких примеров советского наследия в Песчанке — закладка и перезакладка капсул времени. Первая капсула была заложена в совхозе в 1967 г. в честь пятидесятилетия революции и открыта еще через пятьдесят лет, в 2017. Тогда же в ячейку было помещено новое письмо и отправлено на 25 лет вперед, соединяя и символически связывая Октябрьскую революцию, 1967, 2017 и будущий 2042 год единой нитью (и подерживая у жителей исследуемых сел ощущение хотя бы частичной сохранности Советского Союза).

В капсуле, заложенной в 1967 г., хранились приветственное послание «благодарным потомкам» — жителям села, обращение к «юному поколению 2017 года», а также лист с перечислением экономических и технических достижений совхоза на тот момент (количеством тракторов, сеялок, площадей посадки семян и косточковых культур и т.д.). В 2017 г. капсулу торжественно вскрыли. На мероприятие были приглашены ветераны Великой Отечественной войны и несколько постаревших пионеров, участвовавших в закладке капсулы в 1967 г. Извлеченные документы зачитали на собрании, а затем заменили новым посланием, адресованным жителям 2042 г.

Традиция закладки капсул времени возникла в конце XIX в. и достигла расцвета после Всемирной выставки 1939 г. [Jarvis 2002: 153–156; Yablon 2019: 3, 235–236, 285]. В Советском Союзе ее апогей, видимо, приходится на празднование пятидесятилетия Октябрьской революции, в связи с чем в 2017 и 2018 гг. были распространены новости об открытии капсул полувековой давности и чтении писем потомкам [Шоломова 2017; Вепрева

2018]. Капсула совхоза «Урожай» была заложена в рамках этой же юбилейной практики.

Исследователи феномена капсул времени отмечают, что последние представляют попытку контролируемой «археологии для потомков»: содержат набор предметов, лучше всего репрезентирующих эпоху прошлого с точки зрения ее современников [Jarvis 2002: 22; Yablon 2019: 8–12]. Ник Йаблон исследует связи между капсулами времени, позиционирующими предметы настоящего как *будущее прошлое*, и другими формами «консервации времени», в первую очередь появляющейся в XIX в. фотографией. Понимание *настоящего* в качестве *репрезентируемого в будущем*, а предметов повседневности как ведущих туда мостов близко логике исторического музея с линейной экспозицией, последовательно разворачивающей исторический нарратив. Главное отличие в том, что музей не предполагает финальной точки, к которой направлено темпоральное путешествие предметов. Музей последовательно представляет свои истории каждый день, в отличие от капсулы времени, которая должна «детонировать» в определенную дату. Пользуясь тезисом Анри Бергсона о пространственных и линейных метафорах времени [Бергсон 2006: 113–114], я предложу следующее различие: музей, особенно исторический, обычно строит время подобно лучу, исходящему из «сохраняемой» эпохи и уходящему в размытое, протяженное будущее, в то время как капсула времени конструирует его как отрезок с конкретной точкой не только начала, но и конца.

Такой анализ «конфигураций времени», вложенных в предмет, стал возможен сравнительно недавно. Исследования мемориальной культуры, выполненные в оптике культурной памяти, предлагали рассматривать прошлое в непроцессуальных категориях, как некоторое сгущение смыслов, присутствующее в пространстве (ср. «место памяти» Пьера Нора, «памятное место» в работах четырех Ассман, исследования мест памяти в городе в концепции Мишеля де Серто). Возможность изучения темпоральных логик и способов воображения времени была обоснована британским антропологом Тимом Ингольдом [Ingold 1993] и впоследствии разработана Йоханессом Фабианом [Fabian 2014] и Райнхартом Козеллеком, исследовавшим временные конфигурации модерна [Koselleck 2004].

В исследовании «вшитых» в капсулу времени темпоральностей мне помогли работа Алейды Ассман «Распалась связь времен» [Ассман 2017], в которой автор отошла от статического взгляда на память, и исследования Николая Ссори́на-Чайкова, рассматривающего советские артефакты как перекрестки темпоральных логик [Ssorin-Chaikov 2013; 2017].

Выше я писала о том, что время капсулы может быть помыслено как отрезок. Капсула совхоза «Урожай» была заложена в 1967 г. с ожиданием открытия именно в 2017, ни годом ранее. Затем ее металлический корпус был снова заварен 7 ноября 2017 г., с тем чтобы быть открытым ровно через двадцать пять лет, в 2042 г. Новая дата выварена на нем снаружи и не предполагает альтернативных вариантов вскрытия. Запаивание в капсуле времени не только бумаг и предметов, но и конкретной даты открытия интригует. Капсула представляет собой объект с жестко регламентированной программой будущего и запретом на ее реализацию до заданного времени. Возможно, метафора отрезка тоже недостаточно точна: она предполагает наличие зримой линии между его концами. В случае же капсулы линия не видна, есть только две вспышки, два момента явленности капсулы людям: во время закладки и во время изъятия¹.

Иными словами, капсула предполагает одновременно связь и разрыв: связь времен, прямую посылку из прошлого в будущее — и разрыв между ее отправкой и получением (если бы разрыва не предполагалось, работникам совхоза не пришлось бы *заваривать* капсулу). Идея ограничения доступа к содержимому капсулы до часа X рождает особое переживание столкновения с прошлым: оно непредсказуемо и неизвестно жителям будущего и одновременно с этим является «чистым», неискаженным продуктом эпохи. Герметичность капсулы гарантирует неизменность начинки, ее неподверженность влиянию времени, которое могло бы сказаться, если бы содержимое капсулы путешествовало в будущее «в открытом» виде, как памятники Ленину, ГДР-овские светофоры [Boym 2001: 54], советская мебель, посуда и предметы быта. Вот как об этом говорит моя собеседница, соцработница Надя, живущая в Песчанке:

Соб.: *А Вы были во время открытия капсулы?*

Инф.: *Я — нет, я же работаю круглосуточно, у меня бабушки. Но я хотела, даже представляла, как это.*

Соб.: *А как представляли?*

Инф.: *Ну это же все волнительно так — когда вот такой как бы привет из того еще... из того времени. Что там лежит, как его туда клали, такие приветы из прошлого. Людей уже тех нет, а они, вот, как сказать, положили это всё, сами положили, а мы достали. Вот так же, как они клали, из рук в руки (жен. 1974 г.р.).*

¹ Я благодарна Анастасии Карасевой за аналогию капсулы времени с бомбой, снабженной часовым механизмом, и интересное наблюдение о том, что пик популярности капсул времени совпадает с холодной войной и гонкой вооружений.

Надя связывает волнение, которое вызвало у нее открытие капсулы, с адресной передачей приветов «нам» от уже умерших людей. Эта «волнительность», на мой взгляд, прямое следствие разрыва. Время, отделяющее «нас» от «них», с одной стороны, неотъемлемо присутствует в этой сборке, а с другой — скрадывается, уничтожается, и мы получаем подарок «из рук в руки». Капсула времени одновременно оказывается прыжком через годы, игнорирующим их, и вместе с тем нитью, проходящей сквозь каждый. Идея нити и преемственности в исследуемом случае подкрепляется и другим фактом: капсула в совхозе «Урожай» была перезаложена на второй, хоть и более короткий срок.

Ситуация перезакладки довольно редкая: большая часть посланий, открытых в 2017–2018 гг., была просто прочитана в торжественной обстановке. Впрочем, некоторые тексты писем потомкам были опубликованы и растиражированы в медиа, часть из них даже спровоцировала отклик: известны, например, пародийные «ответы предкам» [Шоломова 2017]. Анастасия Вепрева описывает также случай ироничной перезакладки капсулы, в 2017 г. брошенной в Неву без обозначения координат и тем самым лишенной возможности быть найденной и открытой в срок (что девальвирует саму идею капсулы времени) [Вепрева 2018].

Однако перезакладка капсулы в совхозе «Урожай» выглядит скорее необычно. Интересно, что в администрации совхоза мне сказали, что в новой капсуле лежит «то же самое, что и в прошлой, — успехи совхоза, результаты труда». Действительно, если во многих других кейсах письма из прошлого «приходят» из совершенно иной реальности, то для работников «Урожай» это не совсем так. С одной стороны, для жителей крымского села с советских времен поменялось очень многое (например, дважды сменилось их гражданство), а с другой — у них, хоть и с оговорками, но сохранился совхоз.

Две капсулы и два времени

Теперь обратимся непосредственно к посланиям потомкам, содержащимся в капсулах 1967 и 2017 гг., и к тем образам времени, которые они транслируют.

Интересно, что все документы, находящиеся внутри первой капсулы (и обращение к потомкам, и лист с экономическими показателями совхоза), позиционируются как «срез» времени ее закладки. Эти тексты герметизируют день 7 ноября 1967 г., иными словами, пятидесятилетие Октябрьской революции, и отправляют его в будущее. Рассмотрим текст этого обращения

к потомкам (авторские орфография и пунктуация сохранены, оригинальные названия совхоза и школ изменены).

Благодарным потомкам 2017 года

В день 50-летия Великой октябрьской социалистической революции, собравшись на торжественный митинг коллектив рабочих, служащих, специалистов совхоза [Урожай] насчитывающий в своем составе 854 человека, так-же пионеры и школьники [Песчановской и Буденновской] 8-летних школ шлем поколению и жителям 2017 года наш пламенный привет и добрые пожелания дальнейшему расцвету совхоза и его коллективу на благо нашей великой родины. Характеристика и экономические показатели совхоза [Урожай] прилагаются к настоящему письму.

Текст составлен в настоящем времени («шлем привет», «показатели прилагаются») и вместе с таблицей, прилагающейся к нему, описывает благосостояние совхоза в день закладки капсулы, исчисляемое в количественных показателях. В этом обращении к потомкам практически нет эксплицитных образов будущего (за исключением констатации *благодарности* потомков), хотя в аналогичных письмах они широко распространены. Например, авторы послания 1967 г., вскрытого в поселке Широкий Амурской области [В Амурской области 2017], как и команда новороссийской «Шхуны ровесников» [Емельянов 2017], ожидают, что в 2017 г. их потомки живут уже при коммунизме.

Ориентировка песчанской капсулы на числовое выражение прогресса, достигнутое к определенному моменту — пятидесятилетию революции, тоже укладывается в советский конструкт времени: этот день становится как бы точкой на графике «неуклонного повышения благосостояния трудящихся». Эта дата одновременно регулярная и особенная, по сути, экстраполируемая на другие дни совхозной жизни и характеризующая весь период, из которого отправлено послание. Показатели технического развития совхоза становятся замером «прогресса», ставшего одним из главных понятий в официальной риторике советского модернизма (к этой таблице, прогрессу и модернистской оптике я еще вернусь). Нужно заметить, что традиция отправки посланий потомкам в Советском Союзе формировалась и поддерживалась в первую очередь партийными органами власти и редко была связана с низовой инициативой. Тексты обычно писались в официальном стиле, согласовывались с парторгами и комсоргами, зачитывались на митингах и других публичных мероприятиях. Кроме того, эта практика поддерживалась текстами главных советских поэтов (см., например, стихотворение Владимира Маяковского «Во весь голос» или «Письмо в тридцатый век» Роберта Рождественского). Будущее, в которое отправлялись послания, было прозрачным, пар-

тийным, туда вела прямая дорога из растущих экономических показателей.

При общей ориентации на будущее капсула 1967 г. содержит обеспечивающее его прошлое: благодарные потомки получают привет из дня пятидесятилетия революции. Революция в этой логике воспринимается как основа существования всего последующего времени, точка отсчета и гарантия будущего.

Капсула 2017 г., несмотря на утверждение директора о ее тождестве предыдущей¹, кардинально от нее отличается, в первую очередь наличием в тексте образов протяженного смутного времени. Грядущего в нем значительно меньше, чем длительного прошлого, которое, в свою очередь, представляется не гарантией последовательного развития, а кризисом длиной в двадцать пять лет. Обратимся к этому тексту: он, хотя и был замурован в новой капсуле, остается вполне доступным — его копия размещена на информационном стенде в Доме культуры Песчанки (орфография и пунктуация источника сохранены, вместо названия совхоза в квадратных скобках указан его субститут).

Юношам и девушкам 2042 года!

Нам, молодежи XXI века, выпало время перемен.

Все перемены, которые пережила наша страна за 25 лет, были рукотворными, и все они являются результатом деятельности людей, принятых в обществе ценностях: многие из них, к сожалению, оказываются недолговечны.

Для кого-то эти перемены прошли незаметно, но для нас, крымчан, изменения, произошедшие в 2014 году, стали самыми значительными, изменившие нашу жизнь. «Полуостров Крым и город Севастополь перешли в состав Российской Федерации», — так будет звучать для потомков итог референдума 2014 года.

Одно из самых масштабных событий сегодняшнего дня — стройка XXI века — Крымский мост через Керченский пролив. Подобных по масштабу строительных работ в истории России еще не было! Мост, который соединит Таманский полуостров континентальной России с городом Керчь, обещает стать открытием ближайших лет.

Нельзя обойти вниманием наш родной край — край садоводов, виноградарей. [АО «Совхоз «Урожай»»] — одно из самых старых садоводческих предприятий нашего района (основан в 1921 году).

¹ Замечу, что подготовкой текста новой капсулы занималась не администрация совхоза, а сотрудники сельской школы, поэтому директор «Урожая» мог просто не обратить внимания на его детали.

Несмотря на все невзгоды, предприятие смогло сохранить свою производственную базу. Уже, будучи в составе России, модернизация и развитие хозяйства продолжаются. Кроме должного руководства, многолетним успехом и процветанием хозяйства обязаны дружному и слаженному коллективу. Любовь к земле, к садам здесь передается из поколения в поколение, поэтому неудивительно, что многие работники совхоза, потомственные садоводы.

Кризисы и потрясения — тяжелые уроки истории, но их необходимо усвоить, чтобы не повторять вновь. Мы должны всегда помнить о своих корнях, которыми мы можем гордиться и жить так, чтобы наши поступки стали поводом для гордости нашим потомкам, т.к. главные ценности жизни — добро, семья, патриотизм, сбережение традиций должны сохраняться вечно.

Этот текст скомпилирован из нескольких источников. Слова про рукотворные перемены и недолговечные ценности, по-видимому, взяты из статьи «Российской газеты» о перезакладке капсулы времени в Смоленске [Раичев 2013]. Фразы последнего абзаца (о кризисах и потрясениях) дословно содержатся в образцах школьных сочинений о патриотизме, циркулирующих в интернете [Сочинения 2017], хотя, возможно, у них есть неизвестный мне более ранний источник. Однако частичная скомпилированность документа не мешает рассматривать его в качестве самоописания сообщества. Во-первых, авторство текстов первой капсулы тоже неоднозначно: помимо повторения общих штампов советской риторики, в обращении пионеров и комсомольцев пятидесятилетней давности скопирован фрагмент клятвы юных ленинцев 1966 г. («клянемся жаром наших сердец, силой наших рук, зоркостью наших глаз бороться за дело великого Ленина» и т.д.) [Родине, партии, комсомолу 1966]. Во-вторых, компиляция текста не лишает его составителей субъектности — люди выбирают, что именно копировать, и этот выбор сам по себе показателен.

При сравнении текста 2017 г. с документом 1967 г. обращает на себя внимание изменение тональности риторики. В новом послании много говорится о кризисах, переменах и потрясениях — о двадцати пяти годах, предшествующих закладке капсулы и отделяющих ее от распада Советского Союза. Интересно, что если в первой капсуле было замуровано пятидесятилетие прошлого, позиционирующееся как надежное и гарантирующее сохранение прогресса в будущем, то во вторую капсулу запаивается двадцать пять лет тревог, не дающих гарантий на будущее. Этот текст, в отличие от первого, отражает не гомогенное время развития, а непредсказуемость и изменчивость как в прошлом, так и в бу-

дущем. Дни в этом времени не эквивалентны друг другу и не выстроены в прогрессию, наоборот, восходящая линия прогресса сменилась ломаной: «[Н]ам, молодежи XXI века, выпало время перемен».

Время перемен и потерянных гарантий

На различных популярных площадках (и в интернете, и в бумажных изданиях) можно встретить выражение «чтоб ты жил в эпоху перемен», ошибочно возводимое к китайскому проклятию. По-видимому, оно является калькой с английского выражения “May you live in interesting times” с тем же смыслом [May You Live 2015]. Пожелание «интересных» времен, равно как и перемен — по сути пожелание нестабильности. Кризис — время ненадежности и уязвимости, когда прогнозы на будущее не просто не сулят ничего хорошего, а вообще молчат. Выражение “May you live in interesting times” было взято куратором Ральфом Ругоффом в качестве темы Венецианского биеннале — 2019, поставившего в центр внимания социальные проблемы современности. Одним из самых обсуждавшихся экспонатов выставки стало поднятое со дна судно, нелегально перевозившее мигрантов через Средиземное море и затонувшее в апреле 2015 г. в результате кораблекрушения, унесшего жизни 800 человек. Время перемен — это время миграций и крушений, когда модернистские конструкты роста, развития и регулярного наращивания масштабов производства перестают работать.

На обломках проектов прогресса царит прекарность. Я использую это понятие вслед за Анной Лёвенхаупт Цзин [Цзин 2017], которая предлагает его в качестве инструмента для описания сообществ, живущих в условиях распада крупных производственных систем. Раньше эти системы давали гарантии будущего, но теперь существуют только в виде руин и осколков, на скорую руку переделанных под новые условия. Цзин работает с послежизнью орегонских лесопилок и полулегальными лагерями тайландских сборщиков мацутака, выживающих за счет нерегулярной работы, лишённой гарантий и социальной поддержки.

Работники совхоза «Урожай», как кажется, находятся в более выгодной позиции, чем североафриканские мигранты или яо и хмонги, собирающие мацутака под орегонскими соснами. У моих информантов есть постоянная работа, дающая им регулярный источник дохода, есть акции, вложенные в АО, и есть собственное жилье. Однако текст, который они помещают в капсулу времени в 2017 г., ясно говорит, что они воспринимают свое настоящее (или недавнее прошлое) как период кризи-

сов и потрясений, начавшийся с момента распада Советского Союза.

Несмотря на то что в Песчанке в той или иной мере сохранилось бывшее совхозное хозяйство, оно тем не менее претерпело ряд юридических и экономических изменений, было реорганизовано и потеряло часть субъектов (например, в девяностые исчезло совхозное животноводство). В соседнем же селе (Цветочном) совхоз не сохранился, его развал происходил на глазах у жителей Песчанки и коснулся некоторых из них через семейные и соседские связи. Экономический кризис 1990-х гг. заставил сельчан искать дополнительные источники заработка: многие пытались заняться бизнесом, кто-то ушел в торговлю, а кто-то оказался втянут в криминальные сферы. Паевание совхозной земли в 2000-е гг. тоже прошло негладко — я беседовала с людьми, которые жаловались, что их обделили при распределении паев и акций АО. Кроме того, арендные выплаты приносят бывшим совхозникам совсем небольшой доход, а механизмы расчета сумм вызывают у многих из них вопросы.

Фоном для этих изменений стали общий распад онтологических оснований советской системы, инфляция и трансформация всех сфер государственного управления, от социальной инфраструктуры до системы образования. В Крыму это отягощалось сложной интеграцией республики в проект украинского национального государства, который в разное время по-разному отвечал на вопросы о крымской автономии, статусе русского языка и советском прошлом. Массовые украинские протесты (Евромайдан), закончившиеся сменой власти в Киеве и принадлежности Крыма, в нарративах моих информантов описываются как кризисное время, когда было совершенно непонятно, чего ждать и к чему готовиться. С тех пор и по сей день среди части населения полуострова витает страх войны, то обостряясь, то ослабевая в зависимости от положения дел в международной политике. С переходом Крыма под российскую юрисдикцию время перемен для моих информантов не закончилось: энергетическую блокаду полуострова (блэкаут, ноябрь-декабрь 2015) они вспоминают как тяжелый опыт выживания. Список трудностей, с которыми последние три десятилетия сталкиваются крымчане, можно продолжать, но суть заключается в том, что представления моих собеседников об их жизни в течение всего этого периода были и остаются далеки от понятия стабильности и лишены образов того практически гарантированного светлого будущего, которое конструировал советский проект.

Ольга Шевченко в книге “Crisis and the Everyday in Postsocialist Moscow” разрабатывает понятие не кратковременного, а тотального кризиса, тянущегося годами [Shevchenko 2008]. В конце

2000-х гг. она работала с москвичами, которые говорили о пост-социалистическом переходе, «долгих девяностых» и финансовом кризисе 2008 г., заставлявших жителей российской столицы вырабатывать долговременные стратегии выживания в состоянии хронической нестабильности. Мне кажется, что описанная ситуация, хоть и с оговорками, применима ко всем территориям бывшего Советского Союза. Однако если для Москвы уже в 2010-х гг. оптика кризиса становится не столь актуальной, то для украинских территорий социальные потрясения продолжают быть повседневной реальностью. Так же и крымчане продолжают жить в ситуации хронического кризиса последние тридцать лет. С этой точки зрения становится понятна их попытка символического продления советскости как воображаемого времени гарантий.

Приведу слова одной симферопольской учительницы, уроженки села Цветочное, рассуждающей о советском времени.

Шестидесятые и семидесятые. И немножко восьмидесятые. Брежневское время. Сейчас называется эпохой застоя, но мы называли эпохой стабильности <...>. Заканчивая школу, я знала, что с моим уровнем образования я поступлю бесплатно в вуз. И медицина — пока училась, нам там и зубы лечили, и все бесплатно, и сложные операции делали. На работе обязательный отпуск — оплачиваемый, в определенное время. Профсоюзы работали, и трудовое законодательство соблюдалось. А сейчас незащищенность в трудовой сфере очень большая. Пенсии были стабильные, без глупостей. Моя пенсия сейчас девять тысяч, это как вообще так? А раньше на ту же самую стипендию можно было жить. И жилье! Люди могли получать бесплатное жилье, даже в селе. Вот Ивановы, например, они же дом свой получили от совхоза. <...> И цены на продукты были очень дешевые (жен. 1957 г.р.).

Отмечу, что моя собеседница, перечисляя плюсы жизни в позднем СССР, в первую очередь говорит о гарантиях будущего, с которыми у нее и других моих информантов ассоциируется брежневская эпоха (иногда экстраполируемая на весь Союз). Так же рассуждают большинство моих собеседников в совхозе.

Ну при Советском Союзе что — медицина бесплатная. Учеба. Потом... приеду я хоть в Узбекистан, хоть куда — цены одинаковые. Такой разницы не было, все равно было — стабильное. Потом закончишь хоть техникум, хоть институт — работа есть. Еще и заставляют отрабатывать. Теперь иди ищи сам, как тебе сказать. Ну что это. И контроля никакого за продуктами, за товарами [сейчас нет]. Никакого! Три магазина — никакого. Ну просто частная собственность стала и все. Кто проконтролирует? (жен. 1960 г.р.).

Это слова шестидесятилетней жительницы Песчанки, которая несколько лет проработала в совхозе «на яблоках», а потом стала социальным работником. Интересно, что ей же принадлежит высказывание о «вечных семидесятих», которое я процитировала в начале статьи. Таким образом, она утверждает, что в селе сохранились совхоз и с ним «вечное» брежневское время, и одновременно с этим она признает, что Советский Союз распался, а постсоветская жизнь в корне отличается от прежней. Такое «двойное видение» характерно для многих жителей совхозного села: в одних ситуациях они подчеркивают «советскость» Песчанки, контрастирующую с положением других сел, а в других предаются постсоветским ламентациям. Важно отметить, что рассуждения о том, что при Советском Союзе жить было лучше, можно услышать и от сравнительно молодых людей, например от наемных работников теплиц (25–40 лет) и строителей. Причем, если ламентации распространены во всех селах, то тексты и практики «продления советскости» наблюдаются преимущественно в селе с сохранившимся совхозом.

Воображаемая советскость как оплот социальных гарантий

Совхоз в Песчанке существует не только номинативно. Помимо нарративов, его существование поддерживают коммеморативные практики: на больших праздниках в выступлениях как председателя сельсовета, так и директора АО звучат рассказы об истории села, сводимой к истории совхоза, а силами Дома культуры ставятся сценки, реконструирующие ее. Кроме того, акционерное общество помогло провести в Песчанке и в Буденном водопровод, а также частично профинансировало строительство детского сада и сельской церкви. Выступление АО в качестве строителя инфраструктуры и ктитора подкрепило его статус гаранта социальной стабильности. Иными словами, АО пытается делать ровно то, что делал в советское время совхоз: проводит воду, строит здания, значимые для коллектива, и отчасти поддерживает инфраструктуру, которая начала разрушаться после распада СССР. Именно к этому апеллируют мои собеседники, когда утверждают, что «Урожай» все еще является совхозом. С акционерным обществом села Цветочное (возникшим на месте «разбомбленного» совхоза) такого не происходит, оно мыслится исключительно плодом «лихих девяностых».

Связь идеи совхоза с социальной поддержкой может быть подкреплена примером одного из соседних сел. В селе Бирюза, расположенном в восьми километрах от Песчанки, до недавнего времени тоже «сохранялся» совхоз: местные жители говорят,

что он прекратил свое существование и сменился «частниками» совсем недавно. Интересно, что с точки зрения моих собеседников это произошло не в 1999 г. (когда совхоз был юридически перерегистрирован в АО), а в 2015 г. после очередной смены директора. Новый руководитель не стал продолжать финансирование храмового строительства, чем вызвал негативную реакцию сообщества, которое перестало считать предприятие совхозом. Многие мои собеседники в Бирюзе, комментируя изменения политики акционерного общества, говорили, что теперь «рынок точно победил» и «каждый себе пытается урвать, никто о людях не думает».

Вышеописанные наблюдения привели меня к предположению, что восприятие АО в качестве совхоза не просто привычка, а маркер социального воображения. Акционерное общество продолжает называться совхозом в том случае, если оно фигурирует как институт социальной поддержки коллектива и обеспечивает инфраструктуру села. Это подтверждают и рассуждения моих собеседников: говоря о (пост)совхозах, они утверждают, что те должны поддерживать общее дело, такое как проведение водопровода или постройка храма¹.

Связь *воображаемого советского* с «общим делом» и коллективистской риторикой отмечалась исследователями и раньше [Collier 2011: 105–107; Черкаева 2018], причем модус этой воображаемой коллективности отличается от того, что в действительности требовала от людей советская власть [Cherkaev 2015: 79–82]. Советские хозяйства, по этой низовой логике, дарят людям социальные блага [Ssorin-Chaikov 2013: 180–183]. Кроме того, мои собеседники предполагают, что *советские* люди, имеющие доступ к управлению ресурсами (например, директор совхоза), должны ими делиться, в противном случае констатируется победа «капиталистических ценностей».

Обнаружение в сельской реальности соответствий этой логике позволяет жителям Песчанки в некоторых контекстах продлевать советский период вплоть до сегодняшнего дня.

Надо заметить, что пролонгированная советскость находится в сложных отношениях со временем, наступившим в Песчанке после распада СССР. Все жители села прекрасно сознают отличия жизни до и после 1991 г., и эта историческая веха для многих из них актуальнее, чем постсоветские изменения статуса Крыма, т.к. она отделяет время стабильности от времени перемен.

¹ Об инкорпорировании религиозной жизни в постсоветские контексты и ее понимании как культурного наследия и организованного досуга см.: [Кормина, Штырков 2015].

Ох, ты знаешь... Жили... в СССР. Жили в Украине. Щас в России. Неизвестно, может, в Турции дальше будем жить. Не, ну правда, кто его знает. Время такое. Союз развалили (жен. 1972 г.р., продащица в сельском магазине).

Тем понятнее становятся попытки удержать и продлить хотя бы частичную, декоративную советскость. Мерцающие семидесятые «сохранившегося» совхоза наслаиваются на пертурбации постсоветских десятилетий, затяжной кризис в Крыму и слом социальных программ (в первую очередь медицинской и жилищной).

Итак, с одной стороны, *советское* воображается как то, что связано с общественным благом и социальной поддержкой, то, что «для людей», а не для личной выгоды власть имущих. С другой стороны, совхоз, как и другие артефакты воображаемой советской эпохи, представляется нагруженным предсказуемым будущим, о нехватке которого так выразительно говорит вторая капсула времени.

Воображаемое советское — это то, что дает гарантии будущего. В некотором роде эта идея действительно оказывается отражением советского темпорального проекта: модернистский сциентизм, сквозящий в тексте первой капсулы времени, предлагал рассматривать общество через призму неуклонного прогрессивного развития, исчислимого в количественных данных [Скотт 2005: 160, 311] и обеспечивающего прогнозируемое будущее.

Например, на листе с перечислением экономических и технических показателей совхоза в 1967 г. указаны его площадь (в том числе отдельно территории пашен, садов и виноградников), количество коров, лошадей, свиней и семей пчел, приведены показатели урожайности сельскохозяйственных культур (количество центнеров с гектара), удоя коров, привеса молодняка, а также количество единиц разных видов сельскохозяйственной техники (тракторов, грузовых и легковых автомобилей, зерновых и силосоуборочных комбайнов, тракторных плугов, опрыскивателей, сеялок и культиваторов). В конце документа указано также количество дворов, входящих в совхоз, и число человек, проживающих в них, отдельно посчитаны работники совхоза и представители рабочего класса. Последние строки списка сообщают, сколько у жителей совхоза газовых плиток, телевизоров, радиоприемников и автомашин.

Предельный сциентизм этого документа подкрепляется и способом его оформления: список, классифицирующий и упорядочивающий совхозную реальность по показателям и категориям. Эта претензия на научность, четкость и формульность показателей развития совпадает с общемодернистской верой

в науку и технику, в последовательное расширение производства и измеримый рост. Прогрессистский пафос заложен и в телеологии плановой экономики в целом [Collier 2011: 56–58], питающей совхозное производство.

Нарративы о прогрессе, сходные с посланием капсулы времени, и сейчас можно услышать от руководства совхоза. Приведу пример из интервью с директором АО.

Наша продукция расходуется по всему СНГ, яблоки доезжают до Сибири. Мы вводим новые сорта, перешли вот на капельное орошение, объемы продукции все возрастают. Пополнили недавно вот парк сельскохозяйственной техники, новые сеялки, комбайны... Воду в селе в прошлом году провели, почти все село снабдили водой, теперь будем расширять сеть (муж. 1964 г.р.).

Рассказ директора представляет жизнь акционерного общества в виде последовательно расширяющегося, нарастающего потока производства, в котором неизбежность будущего развития следует из прошлых регулярных результатов.

Однако, как бы обнадеживающе ни звучали слова директора, АО «Совхоз “Урожай”» все-таки не совхоз, и его работникам приходится жить в условиях рыночной экономики, затяжного кризиса и социальной нестабильности последних тридцати лет. Точно так же при внешнем повторении советской практики закладки капсулы времени, в 2042-й год в ней отправляются нарративы уже не прогресса, а кризиса. В этой ситуации продолжение советскости оказывается попыткой компенсировать нехватку будущего, ассоциируемого с советским прошлым. Об утрате светлого будущего говорит еще одна моя собеседница, пенсионерка, в прошлом работница совхозной бригады.

Хотя мы тогда жили... все равно, как сказать, все равно более-менее так, ну как, даже мыслей не было, ну как, что будущее плохое будет, всегда вот мысли такие были, светлые. О, еще лучше будем жить, каждый год. А сейчас думаешь: день прожил, и хорошо (жен. 1950 г.р.).

Заключение

Эта статья могла получиться короче. Во время первой экспедиции я не обнаружила текст из второй капсулы времени: Дом культуры был закрыт, и никто не помнил о том, что там хранится копия. Поэтому первый вариант статьи был основан только на документах 1967 г. и словах работников совхоза о сходстве двух капсул. Из этого родилось мое заблуждение относительно регистра воображаемого советского времени в селе:

сначала мне казалось, что оно не столько воображаемое, сколько действительно сохранившееся, что якобы обеспечивается преемственностью АО и совхоза и не несет отпечатка современных крымских реалий. Однако после знакомства с текстом из капсулы 2017 г. я убедилась, что в этой воображаемой советскости есть острый привкус современности и что она рождается в некотором роде «от противного» — через попытку преодоления нестабильности трех десятилетий, прошедших с распада СССР. После этого я переписала статью.

В итоге я постаралась обосновать свое предположение о том, что частичное конструирование моими собеседниками *советского* (и на уровне текстов, и на уровне практик) связано с желанием восстановить регистр телеологического, направленного времени, утраченного в постсоветские годы. Распад Союза разрушает и советскую риторику прогресса, и навязываемые ею образы стабильности, однако они возвращаются в период кризиса — уже как идущая снизу, а не диктуемая партией мечта. Этому способствует преемственность между совхозом и акционерным обществом, а также перезакладка капсулы времени, соединяющая 2017-й год с 1967-м и 1917-м. Благодаря этому, а также за счет социальных инициатив АО создается впечатление частичного сохранения советских реалий в селе и сегодня. Вместе с тем, разумеется, эта воображаемая советскость не является прямым продолжением советских лет. Она вырастает из представления о современности как о кризисном времени и из контрастирующего с ним образа советского прошлого, мыслимого как последний оплот социальных гарантий.

Таким образом, в дискуссии о советскости, ностальгии и коллективной памяти на примере моего материала можно сместить фокус с концептуализации *советского как прошлого* на *советское как прошлое будущее*. В этом случае попытка его продления и реставрации может быть прочитана как способ преодоления людьми тех кризисов, в которых они живут здесь и сейчас.

К сказанному выше остается добавить один важный штрих. Текст капсулы 2017 г., называя период после распада Союза временем перемен и кризисов, вместе с тем помещает его в координаты *истории*. Составители текста говорят о переменах не только как о кризисных событиях, но и как об исторических и масштабных. Именно в этом ракурсе в тексте появляются Крымский мост и референдум. Историчность событий — еще одна категория темпорального воображения, обладающая своей спецификой. Событие, классифицируемое как масштабное, вне зависимости от оценки становится видимым и требует занесения в анналы. И сторонники, и противники изменения

границ между Россией и Украиной отмечают этот момент в своих версиях хронологии, хоть и по-разному его именуют. Масштаб событий также измеряется во времени: возведение моста через Керченский пролив называется в тексте «стройкой XXI века», и, кстати, здесь вновь обнаруживается модернистская логика, предполагающая соответствие технических достижений «передовым рубежам» времени.

Таким образом, периоду кризисов и перемен, прописанному в тексте новой капсулы, противопоставлена та же модернистская телеология, которая наполняла советский проект. Они сосуществуют в пространстве текста так же, как сосуществуют в воображении жителей села: с одной стороны, люди конструируют продленную советскость («у нас здесь вечные семидесятые»), с другой — констатируют ее распад.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-39-00171.

Источники

- В Амурской области вскрыли капсулу времени 1967 года. «Вы живете, вероятно, в коммунистическом обществе...» // Красная линия. 2017, 27 авг. <<https://www.rline.tv/news/2017-08-27-v-amurskoy-oblasti-vskryli-kapsulu-vremeni-1967-goda-vy-zhivete-veroyatno-v-kommunisticheskom-obshch/>>.
- Вепрева А. Время (для) истории // Художественный журнал. 2018. № 104. <<http://moscowartmagazine.com/issue/72/article/1545>>.
- Емельянов С. Военная тайна Мальчиша-Кибальчиша // Родина. 2017, 1 нояб. <<https://rg.ru/2017/10/30/rodina-kapsula-1967.html>>.
- О переселении колхозников в районы Крыма: Постановление Государственного комитета обороны № ГОКО-6372с от 12 августа 1944 г.
- Раичев Д. Смоленск получил послание из прошлого // Российская газета. 2013, 28 сент. <<https://rg.ru/2013/09/28/reg-cfo/letter.html>>.
- Родине, партии, комсомолу — салют. Пионерский салют на Красной площади // Молодой ленинец. 1966, 22 мая.
- Сочинения по обществознанию «Я — гражданин и патриот России» // Инфоурок: ведущий образовательный портал России. [2017]. <<https://infourok.ru/sochineniya-po-obschestvoznaniyu-ya-grazhdanin-i-patriot-rossii-1659526.html>>.
- Спектакль Дмитрия Волкострелова «1968. Новый мир» // Музей современного искусства «Гараж». [2019]. <<https://garagemca.org/ru/event/1968-new-world-performance-directed-by-dmitry-volkostrellov>>.
- May You Live in Interesting Times // Quote Investigator. 2015, Dec. 18. <<https://quoteinvestigator.com/2015/12/18/live/#note-12645-1>>.

Библиография

- Абрамов Р.Н. «Советский чердак» российской блогосферы: анализ ностальгических виртуальных сообществ // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2011. Т. 5. № 6. С. 88–102.
- Аникин М. Поколение «лишних людей»: антропологический портрет последнего советского поколения // Неприкосновенный запас. 2018. № 1. С. 290–308.
- Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна / Пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: НЛО, 2017. 272 с.
- Бергсон А. Длительность и одновременность. М.: Добросвет; КДУ, 2006. 160 с.
- Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. 2-е изд., испр. М.: НЛО, 1998. 358 с.
- Виссер О. «Пустые» права, социальные обязанности и рабочие отношения. Застой или изменение трудовых отношений на сельхозпредприятиях? // Богданова Е., Бредникова О. (ред.). Вдали от городов: жизнь постсоветской деревни: Сб. статей и эссе. СПб.: Алетейя; Историческая книга, 2013. С. 79–104.
- Дробот Н. Осталгия как особое художественное направление в современном изобразительном искусстве // Философические письма: русско-европейский диалог. 2018. Т. 1. № 2. С. 115–136.
- Жидкова Е. Советская гражданская обрядность как альтернатива обрядности религиозной // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4 (30). С. 408–429.
- Кларк К. Советский роман: история как ритуал / Пер. с англ., ред. М.А. Литовской. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 260 с.
- Кормина Ж.В., Штырков С.А. «Это наше, исконно русское, и никуда нам от этого не деться»: предыстория постсоветской десекуляризации // Кормина Ж.В., Панченко А.А., Штырков С.А. (ред.). Изобретение религии: десекуляризация в постсоветском контексте. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. С. 7–45.
- Скотт Дж. Благими намерениями государства: почему и как провалились проекты улучшения условий человеческой жизни / Пер. с англ. Э.Н. Гусинского, Ю.И. Турчаниновой. М.: Университетская книга, 2005. 568 с.
- Фокин А.А. «Коммунизм не за горами»: образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х годов. М.: РОССПЭН, 2017. 223 с.
- Халфин И., Хелльбек Й. Интервью с Игалом Халфиным и Йоханом Хелльбеком / Пер. М. Могильнер // Ab Imperio. 2002. № 3. С. 217–260.
- Хархордин О.В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.; М.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2002. 511 с.
- Цзин А.Л. Гриб на краю света: о возможности жизни на руинах капитализма. М.: Ad Marginem, 2017. 376 с.
- Черкаева К. Достоинство личности как личная собственность: Метаморфоза российских законов о порочащих сведениях // Новое литературное обозрение. 2018. № 151. С. 65–80.

- Шоломова Т. Футуристические прогнозы и письма потомкам как способы взаимодействия с будущим // Контуры будущего: технологии и инновации в культурном контексте. СПб.: Астерион, 2017. С. 16–20.
- Штырков С. Советские корни этнического традиционализма: случай Северной Осетии // Неприкосновенный запас. 2011. № 4 (78). С. 66–79.
- Штырков С. «В городе открыт Дворец счастья»: борьба за новую советскую обрядность времен Хрущева // Ссорин-Чайков Н. (сост.). Топография счастья: этнографические карты модерна: Сб. статей. М.: НЛЮ, 2013. С. 261–275.
- Эткинд А. Кривое горе: память о непогребенных / Авториз. пер. с англ. В. Макарова. М.: НЛЮ, 2016. 328 с.
- Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение. М.: НЛЮ, 2014. 664 с.
- Bartmansi D. Successful Icons of Failed Time: Rethinking Post-Communist Nostalgia // Acta Sociologica. 2011. Vol. 24. No. 3. P. 213–231. doi: 10.1177/0001699311412625.
- Boym S. The Future of Nostalgia. N.Y.: Basic Books, 2001. XIX+404 p.
- Cherkaev X.A. Language, Historiography and Economy in Late- and Post-Soviet Leningrad: The Entire Soviet People Became the Authentic Creator of the Fundamental Law of Their Government: PhD Diss. in Anthropology / Columbia University. N.Y., 2015. 251 p.
- Collier S.J. Post-Soviet Social: Neoliberalism, Social Modernity, Biopolitics. Princeton, NJ; Oxford: Princeton University Press, 2011. 312 p.
- Erll A. Travelling Memory // Parallax. 2011. Vol. 17. No. 4. P. 4–18. doi: 10.1080/13534645.2011.605570.
- Fabian J. Time and the Other: How Anthropology Makes Its Object. N.Y.: Columbia University Press, 2014. 272 p.
- Feindt G., Krawatzek F., Mehler D., Pestel F., Trimçev R. Entangled Memory: Toward a Third Wave in Memory Studies // History and Theory. 2014. Vol. 53. No. 1. P. 24–44. doi: 10.1111/hith.10693.
- Halfn I. From Darkness to Light: Class, Consciousness and Salvation in Revolutionary Russia. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2000. XII+474 p.
- Hann C.M. (ed.). Postsocialism: Ideals, Ideologies, and Practices in Eurasia. L.; N.Y.: Routledge, 2002. XII+348 p.
- Hellbeck J. Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin. Cambridge, MA; L.: Harvard University Press, 2006. 436 p.
- Ingold T. The Temporality of the Landscape // World Archaeology. 1993. Vol. 25. No. 2: Conceptions of Time and Ancient Society. P. 152–174.
- Jarvis W.E. Time Capsules: A Cultural History. Jefferson, NC: McFarland & Company, 2002. 329 p.
- Koselleck R. Futures Past: On the Semantics of Historical Time. N.Y.: Columbia University Press, 2004. 344 p.
- Marsh C. Social Capital and Democracy in Russia // Communist and Post-Communist Studies. 2000. Vol. 33. No. 2. P. 183–199. doi: 10.1016/S0967-067X(00)00003-9.

- Oushakine S.* "We're Nostalgic But We're Not Crazy": Retrofitting the Past in Russia // *The Russian Review*. 2007. Vol. 66. No. 3. P. 451–482. doi: 10.1111/j.1467-9434.2007.00453.x.
- Shevchenko O.* *Crisis and the Everyday in Postsocialist Moscow*. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2008. XIV+241 p.
- Ssorin-Chaikov N.* Gift/Knowledge Relations at the Exhibition of Gifts to Soviet Leaders // *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. 2013. Vol. 5. No. 2. P. 166–192.
- Ssorin-Chaikov N.* *Two Lenins: A Brief Anthropology of Time*. Chicago, IL: HAU Books, 2017. 167 p.
- Yablon N.* *Remembrance of Things Present: The Invention of the Time Capsule*. Chicago: University of Chicago Press, 2019. 384 p.

The Time Capsule in the Post-Soviet Sovkhoz

Elena Malaya

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
emalaia@eu.spb.ru

The article is devoted to ideas about the Soviet era, widespread in a village in the north-east of Crimea. The paper offers an analysis of how the community, formed around a partially preserved state farm, builds its own picture of historical time, expands the imaginary boundaries of the Soviet period, and also thinks of it not so much as the past, but as the past future. Particular attention is paid to the object that organizes its temporality — a time capsule, which was laid twice in the studied village (in 1967 and in 2017), as well as its connection with the teleology of modernism. The article compares letters to descendants, sealed in two time capsules, as well as additional documents sent to the future. The text of the 1967 letter is based on a progressive narrative and contains a list of economic indicators of the success of the Soviet economy. By contrast, the 2017 text creates a picture of an unstable time of change, in which the focus is not on the predictable future, but on the vague past and present. The author of the article explains the nostalgia for the Soviet era in the studied community by the reaction to the changes and crises of the post-Soviet period, and suggests using temporal logic in the research of post-socialism.

Keywords: time capsule, anthropology of time, temporality, nostalgia, state farm (sovkhoz), post-Soviet period, Soviet times, Crimea.

Acknowledgments

The reported study was funded by the RFBR (research project № 18-39-00171).

References

- Abramov R. N., “Sovetskiy cherdak” rossiyskoy blogosfery: analiz nostalgicheskikh virtualnykh soobshchestv’ [“The Soviet Attic” of the Russian Blogosphere: An Analysis of Nostalgic Virtual Communities], *Interaktsiya. Intervyu. Interpretatsiya*, 2011, vol. 5, no. 6, pp. 88–102. (In Russian).
- Anipkin M., ‘Pokolenie “lishnikh lyudey”’: antropologicheskiy portret poslednego sovetskogo pokoleniya’ [The Generation of “Superfluous People”: An Anthropological Portrait of the Last Soviet Generation], *Neprikosnovennyi zapas*, 2018, no. 1, pp. 290–308. (In Russian).
- Assmann A., *Ist die Zeit aus den Fugen? Aufstieg und Fall des Zeitregimes der Moderne*. München: Hanser, 2013, 334 SS.
- Bartmanski D., ‘Successful Icons of Failed Time: Rethinking Post-Communist Nostalgia’, *Acta Sociologica*, 2011, vol. 24, no. 3, pp. 213–231. doi: 10.1177/0001699311412625.
- Bergson H., *Durée et simultanéité: À propos de la théorie d’Einstein*. Paris: Alcan, 1923, 289 pp.
- Boym S., *The Future of Nostalgia*. New York: Basic Books, 2001, XIX+404 pp.
- Cherkaev X. A., Language, Historiography and Economy in Late- and Post-Soviet Leningrad: The Entire Soviet People Became the Authentic Creator of the Fundamental Law of Their Government: PhD diss. in Anthropology, Columbia University. New York, 2015, 251 pp.
- Cherkaev X., ‘Dostoinstvo lichnosti kak lichnaya sobstvennost: Metamorfoza rossiyskikh zakonov o porochashchikh svedeniyakh’ [Personal Dignity as Personal Property: Metamorphosis of Russian Laws Concerning Defamation], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2018, no. 151, pp. 65–80. (In Russian).
- Clark K., *The Soviet Novel: History as Ritual*. Chicago: The University of Chicago Press, 1981, 293 pp.
- Collier S. J., *Post-Soviet Social: Neoliberalism, Social Modernity, Biopolitics*. Princeton, NJ; Oxford: Princeton University Press, 2011, 312 pp.
- Drobot N., ‘Ostalgiya kak osoboe khudozhestvennoe napravlenie v sovremenom izobrazitelnom iskusstve’ [Ostalgia as a Special Artistic Development in Contemporary Art], *Filosoficheskie pisma: russko-evropeyskiy dialog*, 2018, vol. 1, no. 2, p. 115–136. (In Russian).
- Erl A., “Travelling Memory”, *Parallax*, 2011, vol. 17, no. 4, pp. 4–18. doi: 10.1080/13534645.2011.605570.
- Etkind A., *Warped Mourning: Stories of the Undead in the Land of the Unburied*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2013, 328 pp.
- Fabian J., *Time and the Other: How Anthropology Makes Its Object*. New York: Columbia University Press, 2014, 272 pp.
- Feindt G., Krawatzek F., Mehler D., Pestel F., Trimçev R., ‘Entangled Memory: Toward a Third Wave in Memory Studies’, *History and Theory*, 2014, vol. 53, no. 1, pp. 24–44. doi: 10.1111/hith.10693.

- Fokin A. A., “*Kommunizm ne za gorami*”: *obrazy budushchego u vlasti i nasele-niya SSSR na rubezhe 1950–1960-kh godov* [“Communism Is Not Far Off”: The Images of the Future in Power and of the USSR Population at the Turn of the 1950s–1960s Years]. Moscow: ROSSPEN, 2017, 223 pp. (In Russian).
- Halfin I., *From Darkness to Light: Class, Consciousness and Salvation in Revolutionary Russia*. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2000, XII+474 pp.
- Halfin I., Hellbeck J., ‘Intervyu s Igalom Khalfinym i Yokhanom Khellbekom’ [Interviews with Igal Halfin and Jochen Hellbeck], transl. by M. Mogilner, *Ab Imperio*, 2002, no. 3, pp. 217–260. (In Russian).
- Hann C. M. (ed.), *Postsocialism: Ideals, Ideologies, and Practices in Eurasia*. London; New York: Routledge, 2002, XII+348 pp.
- Hellbeck J., *Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin*. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2006, 436 pp.
- Ingold T., ‘The Temporality of the Landscape’, *World Archaeology*, 1993, vol. 25, no. 2: *Conceptions of Time and Ancient Society*, pp. 152–174.
- Jarvis W. E., *Time Capsules: A Cultural History*. Jefferson, NC: McFarland & Company, 2002, 329 pp.
- Kharkhordin O. V., *Oblichat i litsemerit: genealogiya rossiyskoy lichnosti* [Reveal and Dissimulate: A Genealogy of the Russian Personality]. St Petersburg; Moscow: European University at St Petersburg Press; Letniy sad, 2002, 511 pp. (In Russian).
- Kormina J. V., Shtyrkov S. A., “‘Eto nashe, iskonno russkoe, i nikuda nam ot etogo ne detsya’: predystoriya postsovetsoy desekulyarizatsii’ [“That’s Our Truly Russian and There’s Nothing We Can Do with It”: The Prehistory of Post-Soviet Desecularization], Kormina J. V., Panchenko A. A., Shtyrkov S. A. (eds.), *Izobretenie religii: desekulyarizatsiya v postsovetском контексте* [The Invention of Religion: Desecularization in the Post-Soviet Context]. St Petersburg: European University at St Petersburg Press, 2015, pp. 7–45. (In Russian).
- Koselleck R., *Futures Past: On the Semantics of Historical Time*. New York: Columbia University Press, 2004, 344 pp.
- Marsh C., ‘Social Capital and Democracy in Russia’, *Communist and Post-Communist Studies*, 2000, vol. 33, no. 2, pp. 183–199. doi: 10.1016/S0967-067X(00)00003-9.
- Oushakine S., “‘We’re Nostalgic But We’re Not Crazy’: Retrofitting the Past in Russia’, *The Russian Review*, 2007, vol. 66, no. 3, pp. 451–482. doi: 10.1111/j.1467-9434.2007.00453.x.
- Scott J. C., *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven, CT: Yale University Press, 1999, 464 pp.
- Shevchenko O., *Crisis and the Everyday in Postsocialist Moscow*. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2008, XIV+241 pp.
- Sholomova T., ‘Futuristicheskie prognozy i pisma potomkam kak sposoby vzaimodeystviya s budushchim’ [Futuristic Predictions and Letters to Posterity as Ways of Interacting with the Future], *Kontury budushchego*:

- tekhnologii i innovatsii v kulturnom kontekste* [The Contours of the Future: Technology and Innovation in a Cultural Context]. St Petersburg: Asterion, 2017, pp. 16–20. (In Russian).
- Shtyrkov S., ‘Sovetskie korni etnicheskogo traditsionalizma: sluchay Severnoy Osetii’ [Soviet Roots of Ethnic Traditionalism: The Case of North Ossetia], *Neprikosnovennyy zapas*, 2011, no. 4 (78), pp. 66–79. (In Russian).
- Shtyrkov S., “‘V gorode otkryt Dvorets schastyia’: borba za novuyu sovetskuyu obryadnost vremen Khrushcheva’ [“The Palace of Happiness Has Been Opened in the City”: Struggle for a New Soviet Ritualism of the Times of Khrushchev], Ssorin-Chaikov N. (comp.), *Topografiya schastyia: etnograficheskie karty moderna* [Topography of Happiness: Ethnographic Maps of Modernity]: A collection of articles. Moscow: NLO, 2013, pp. 261–275. (In Russian).
- Ssorin-Chaikov N., ‘Gift/Knowledge Relations at the Exhibition of Gifts to Soviet Leaders’, *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 2013, vol. 5, no. 2, pp. 166–192.
- Ssorin-Chaikov N., *Two Lenins: A Brief Anthropology of Time*. Chicago: HAU Books, 2017, 150 pp.
- Tsing A. L., *The Mushroom at the End of the World: On the Possibility of Life in Capitalist Ruins*. Princeton, NJ; Oxford: Princeton University Press, 2015, 352 pp.
- Vayl P., Genis A., *60-e. Mir sovetskogo cheloveka* [The 60s. The World of Soviet Person], 2nd ed., rev. Moscow: NLO, 1998, 358 pp. (In Russian).
- Visser O., “‘Pustye’ prava, sotsialnye obyazannosti i rabochie otnosheniya. Zastoy ili izmenenie trudovykh otnosheniy na selkhozpredpriyatiyakh?’ [“Empty” Rights, Social Responsibilities and Working Relationships. Stagnation or Change in Labor Relations at Agricultural Enterprises?], Bogdanova E., Brednikova O. (eds.), *Vdali ot gorodov: zhizn postsovetskoy derevni* [Far from Cities: Post-Soviet Rural Life]: A collection of articles and essays. St Petersburg: Aleteya; Istoricheskaya kniga, 2013, pp. 79–104. (In Russian).
- Yablon N., *Remembrance of Things Present: The Invention of the Time Capsule*. Chicago: University of Chicago Press, 2019, 384 pp.
- Yurchak A., *Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation*. Princeton, NJ; Oxford: Princeton University Press, 2005, 352 pp.
- Zhidkova E., ‘Sovetskaya grazhdanskaya obryadnost kak alternativa obryadnosti religioznoy’ [The Soviet Civil Rituals as an Alternative to Religious Rites], *Gosudarstvo, religiya, tserkov v Rossii i za rubezhom*, 2012, no. 3–4 (30), pp. 408–429. (In Russian).